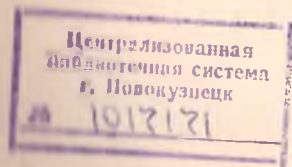
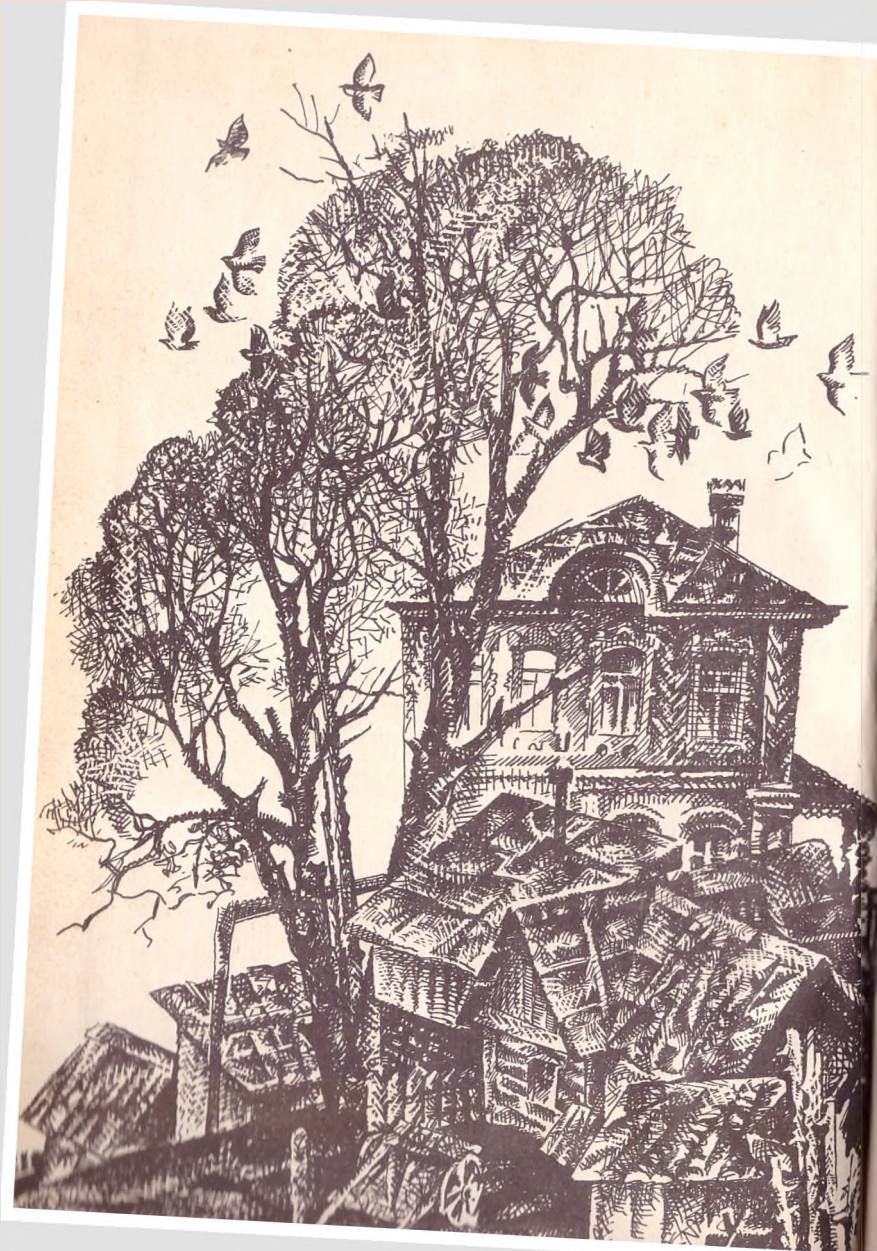

ВЕНИАМИН БУЛГАКОВ

*В том
давнем
Кузнецке ...*

ЦЕ МЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

ков, личинок, куколок — почти пятисот различных видов. У меня были и махаоны, и аполлоны, и жуки-носороги, и мельчайшие козявки, и мотыльки, и червячки...

Сам того не понимая, я повторял увлечения покойного моего отца и как бы продолжал линию его интересов.

Глава девятая

МАСЛЕНИЦА В КУЗНЕЦКЕ

равославная церковь празднует «Воскресение Христа», который умер, но после трехсуточного пребывания в гробу, под огромной каменной крышкой в пещере, воскрес и вознесся на небо. Этот праздник называется Пасха. Празднуется Пасха то в марте, то в апреле, то в начале мая, так как Христос вос-

крес в ночь весеннего новолуния, которое наступает в разное время. Семь недель перед Пасхой продолжался великий пост, когда никому нельзя было есть мясо, молочные продукты, а также куриные яйца. Разрешалось есть рыбу.

А перед этими семью неделями великого поста праздновалась недельная масленица, в которую можно было есть как бы впрок все — говядину, свинину, баранину, курятину, гусятину, молоко, сливки, сметану, яйца, масло сливочное, топленое — все до отвала. В нашем трехтысячном Кузнецке, как и по всей России, масленицу справляли все: бедные и богатые. В каждом доме и каждая хозяйка обязательно пекла блины, которые готовились из муки ржаной на конопляном и подсолнечном масле и из муки пшеничной — на топленом масле. Люди побогаче лакомилась блинами из гречневой муки.

К блинам полагались, кроме масла и сметаны, еще ва-

ренье, мед, а то и икра красная и черная, да вдобавок рыба красная и рыба белая... Словом, в ожидании семи недель поста люди наедались всякой снедью, кто сколько мог, а всякое блинное пиршество не обходилось без русской водки, без «английской горькой», без «рябиновки» и прочих вин отечественных и заграничных.

Блинными пирушками с икрой, балыком, семгой да «смирновской» водкой особенно отличались приезжавшие в Кузнецк с золотых приисков золотоискатели. Масленица для приезжих золотоискателей и кузнецких купеческих семейств была временем самого разгульного веселья, безудержного объедания и часто бесшабашного пьянства.

Люди с золотых сибирских приисков и наши кузнецкие молодые купчики, торговцы, а за ними и люди среднего достатка, желая перецеголять друг друга, все нанимали, находили лошадей, и на тройках и на парах бешено скакали и мчали по улицам Кузнецка.

Мы, ребята, любовались мчащимися во весь дух разряженными тройками и парами, запряженными в разной величины малые кошевки и в огромные ямщицкие дорожные кошевы со спинками и сиденьями.

И не оторваться было от этого зрелища — летевших по нашей улице лошадей и поющих, кричащих, смеющихся, трезвых и пьяных людей, справлявших широкую русскую масленицу...

Вот, видим, от дома купца Недорезова и от купца Суховольского мчатся на нас две тройки с полными кошевами поющих, кричащих седоков. Вороной коренник бьет копытами февральский снег, из ноздрей рвутся клубы пара, глаза гордо сияют; он почти один тащит всю кошеву с пятеркой людей да ямщиком, постоянно хлещущим по спине и левой и правой «пристяжки», чтобы потуже натянуть их постромки.

Под дугой коренника, в такт его быстрому бегу, оглушительно звенят трехзвучным аккордом три медных колокольца. На хомутах у «пристяжек» привязано по десятку

бубенчиков-«шаркунчиков». Пристяжки, склонив головы на стороны, трясут шаркунцами порывисто, часто, не в такт колокольцам коренника. Получается разудалая музыка рассыпных звуков, в ушах — гул и звон.

Вороной коренник накрыт сверх шлеи голубой шелковой попоной, а обе «пристяжки» — розовыми попонами. Дуга коренника повита красной лентой, а от хомутиков пристяжек развеваются по ветру короткие и длинные красные, синие, зеленые, белые, голубые ленты.

Вот тройка поравнялась с нашим домом. Мы видим прилаженный сбоку кошевы ковер с изображением двух собак на сером фоне. В кошеве сидят трое мужчин. Им весело, они смеются и громко окликают друг друга.

Кошева пролетает мимо стрелой, и мы запоминаем большой ковер, накинутый на ее спинку. На ковре вышито семейство оленей, стоящих у опушки леса недалеко от лесного ручья.

Вторая тройка бешено мчащихся лошадей подобрана по масти: все три лошади рыжие, попоны на них синие, дуга коренника повита малиновой лентой; сбоку — ковер с изображением четырех белых рыб на голубом фоне. В кошеве у спинки сидит гармонист, подыгрывающий четверем мужчинам, которые довольно нестройно кричат почти в унисон: «Ах вы, сени, мои сени...»

Тройка промчалась, и на спинке кошевы мы увидели ковер с изображением двух лежащих среди зарослей тростника полосатых тигров. Тигры полосатые, тростники зеленые...

Городские купцы соревновались с приезжими золотоискателями, стараясь перецеголять друг друга в убранстве своих кошев, в упряжке и украшениях лошадей. Нас, ребят, охватывало восхищение, мы были в восторге от всех этих бешено пронесившихся троек и пар с веселыми хористами и гармонистами в разукрашенных санях и кошевах.

Иной раз та же тройка, пролетавшая вторично мимо

нас, оказывалась запряженной уже в другую кошеву, с другими коврами по бокам и за спиной, так что вместо львов в пустыне мы созерцали уже какую-нибудь красавицу с букетами и гирляндами цветов. Или знакомая нам тройка темно-карих лошадей везла уже других людей, а спинка кошевы завешана не ковром с изображением уток, как мы запомнили при первом ее пробеге мимо нас, а ковром с причудливым рисунком из треугольников, квадратов, ромбов, стрелок и кружков.

Особенно богато разукрашены тройки в последний день масленицы, в воскресенье. И особенно же весело, а часто хмельно и крикливо, провожали масленицу именно в этот день. Мелькали лошади — сивые, карие, вороные и гнедые, пегие и серые. Мелькали голубые, красные, синие, желтые, коричневые, полосатые и пестрые ленты и попоны.

Бешено звенели под дугами тройные и четверные колокольчики; им вторили и путались в их звуках шаркунцы-бубенчики разной величины, разных звуков и тонов.

На коврах, накинутых на спинки кошевок, львы сменялись журавлями, медвежата — то орлами, то тиграми, то венками цветов, то пляшущими людьми, то садовыми беседками, павильонами...

И где только бралось в нашем трехтысячном уездном городишке столько лошадей, саней, ковров, бубенчиков, а главное, безудержного, февральского, ярко-карнавального веселья!

А люди! Какие это были люди! Мы, ребята, узнавали в кошевах и купеческие семьи Кузнецка, но большинство поющих и кричащих седоков на масленичных тройках мы не знали. В них сидели и стояли, иногда плясали и размахивали шапками молодцы в полушубках, то подпоясанных красными, зелеными, черными кушаками, то крепко затянутых серебряными поясами с висячими бляшками, полосками и кругляшками. Нам говорили, что эти люди приехали с золотых приисков, чтоб погулять в Кузнецке на весе-

лой масленице, «посмотреть людей» да и «себя показать» во всей своей красе и удали...

Если же нам, ребятам, не удавалось промчаться на этих быстроходных тройках с переливчатыми колокольчиками и шумными говорливыми бубенчиками по улицам Кузнецка, мы не горевали, — в последующие за масленицей дни великого поста мы собирались в «тройки», бегая по Соборной улице Кузнецка, катали друг друга на салазках, а то и просто устраивались «бега» своих ребячьих «троек» и «коренников» с пустыми салазками без седоков. Это были настоящие зимние беговые состязания. Мы даже накупили бубенцов-шаркунчиков и, подвязав их на груди, весело скакали в переулках и по улице, справляя свою масленицу, в дни великого поста...

Глава десятая

ПЕРВЫЙ ПАРХОД В КУЗНЕЦКЕ

о вот пришла весна. Толстый, кое-где аршинный, кое-где метровый лед на реке Томи порастрескался. Вода прибывала с каждым днем. Начался ледоход. Разливалось половодье. Протока Иванцовка затопила весь Топольник и образовала огромный живой водоем, заливая многие переулки в подгорной части Кузнецка.

А дни становились все жарче и жарче. К середине мая от огромных ледяных полей и разорванных кусков льдин ничего не осталось: все уплыло вниз, по течению, растаяло, исчезло. Воды в реке было еще много — она шла с полей, из лесов. Иванцовка осталась широкой спокойной протокой, хотя вода начала уже спадать. Мутная, желто-